

ЦИКЛЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Попытка перспективного анализа будущего Северной Евразии после краха коммунистического режима и распада СССР привела меня к убеждению в необходимости анализа ретроспективного. То, что произошло с Россией в XX столетии, вполне может быть рассмотрено как завершение очередного большого цикла национальной истории и переход через смутное время к новому циклу.

В прошедшей русской истории легко вычлняются три исторических цикла с более или менее долгим смутным временем переходных периодов между ними. Точные исторические даты весьма условны, когда речь идет о протяженных исторических процессах, и все же без формальных дат обойтись не удастся.

Первый цикл русской истории начинается крещением Руси при великом князе Киевском Владимире Святом (988 г.) и завершается разорением Киева татарами-монголами в 1240 г. Второй длится от Куликовской битвы (1380) до пресечения династии Рюриковичей и воцарения Бориса Годунова на Московском престоле (1598 г.). Третий начинается избранием на царство Михаила Романова в 1613 г. и завершается отречением Императора Николая II Романова в 1917 г. Между циклами пролегают смутные времена, в которые разрушается традиционная государственность и даже государственность как таковая, крайне деградирует нравственно-религиозная составляющая общественного сознания, и сами политические и социальные связи слабеют и рвутся.

Первое смутное время непосредственно вызвано татаро-монгольским завоеванием. Оно продолжительно (не менее 140 лет), начинается глубочайшим разорением от нашествия и отличается долгим последующим восстановлением общественной и политической жизни, вполне завершившимся только при Иване III (стояние на Угре 1480 г., брак с Софией Палеолог).

Второе смутное время было сравнительно коротким – 15 лет, но также глубоко разрушительным для русского общества. Преодоление последствий этого смутного времени охватило все царствование Михаила Федоровича и первые годы царствования Алексея Михайловича. Формальной точкой его окончательного изживания может считаться Уложенный Собор, принявший в 1649 г. Уложение.

Третье смутное время, начавшееся пресечением династии Романовых и гражданской войной 1917–1922 гг., продолжается и по сей день. Его разрушительный для общества период жестокой тоталитарной коммунистической диктатуры завершился освобождением Церкви в 1988 г. и запрещением компартии и распадом СССР – в 1991 г. Восстановитель-

ный же период только начался, идет с большим трудом, еще даже не перешел в фазу восстановления традиционной русской государственности, и говорить о перспективе его успешного завершения пока крайне преждевременно. Типологически наше время – это скорее княжение Ивана Калиты или царствование Василия Шуйского, когда противоборствующие созидательные и «смутные» элементы жизни уравновешивали друг друга и исход их борьбы еще не был ясен. По аналогии с предшествовавшими периодами смуты можно предположить, что окончательное изживание третьего смутного времени потребует периода, по крайней мере соизмеримого с самим этим смутным временем (72–75 лет), и продлится до 2050–2080 годов.

При этом цифровые выкладки ни в малой степени не говорят, на мой взгляд, о предопределенности русского национального исторического развития, обреченного на бесконечные колебания между смутой и созиданием. Вовсе нет. Я вполне разделяю убеждение Арнольда Тойнби, что история – открытый процесс, определяемый суммарным результатом участвующих в нем индивидуальных человеческих волений. «Духовные процессы происходят в человеческой душе, ибо только Душа способна переживать человеческий опыт и откликаться на него духовным проявлением. Раскол в человеческой душе – это эпицентр раскола, который проявляется в общественной жизни. Поэтому, если мы хотим иметь более детальное представление о глубинной реальности, следует подробней остановиться на расколе в человеческой душе» – пишет историк¹.

¹ А. Дж. Тойнби. *Постижение истории*. – М.: Прогресс, 1991. – С. 358.

Каждый новый цикл русской истории начинается высоким духовным подъемом, «сослужением ангелов», а завершается глубоким нравственным вырождением в первую очередь высшего, правящего слоя, подменяющего долг жертвенного служения ненасытной жадной эгоистического стяжания. Именно это вырождение высших, их неумный эгоизм и приводит к потере обществом чувства внутреннего единства, к энтропии общенациональных ценностей и целей (вера, безопасность), к развращению народа, утрате им нравственных сдержек, и, в результате, – к социальному катаклизму и разрушению, как общества, так и организующего его государства.

Тяжкие испытания, выпадающие на долю общества в период смуты, как правило, порождают нравственную рефлексию, возбуждают чувство раскаяния в делах отцов, усиливают религиозные настроения. Аксиология русского общества на входе в смуту и на выходе из нее диаметрально противоположна. Перед смутой для общества характерны эвдемонические ценности, ориентация на благо этой земной жизни, равнодушие к вечности и к спасению в Боге. Религия в предсмутное время превращается в служанку земного благоденствия, в его идеологическую подпору, утрачивая в глазах большинства самоценную значительность, замыкается в самодовлеющий обряд. Напротив, на выходе из смуты религия занимает центральное место в жизненных ориентациях, сотерическая аксиология, следуя которой люди предпочитают «дер-

жаться вечной жизни» [1 Тим. 6, 12], существенно потесняет эвдемоническую, а идея жертвенного служения сплачивает общество. Все это приводит к более или менее быстрому усилению Русского государства. Выход из I смуты соединен с именами преподобного Сергия Радонежского и митрополита Алексия, из II – с деятельностью патриарха Гермогена, а позднее – кружка будущих вождей Раскола (протопопы Стефан Вонифатьев, Аввакум, Иван Неронов и др.) и близкого к ним по строю мыслей Тишайшего царя.

Однако, усиливаясь, и власть и народ все более начинают обращать внимание на эвдемонические задачи политического и хозяйственного характера. Ностальгия по силе и величию досмутного времени (при все большем, по мере отдаления от смуты, забвении духовного ничтожества предсмутного общества) заставляет восстанавливающуюся Россию искать пути овладения утраченным за годы смуты наследством. В первую очередь Россия болезненно относится к территориальным утратам и пространственной разобщенности. Напрягая все силы для восстановления былого величия и незаметно даже превосходя его в новых присоединениях, Россия неизменно платит за это растущее внешнее могущество золотом веры и благочестия, собранным в первые десятилетия по выходе из смуты. Из цели государственной деятельности люди превращаются постепенно в средство для достижения национального величия, а вера, из залога Царствия Небесного, в консолидирующую народ политическую идеологию. Все это, в конечном счете, разрушает национальное единство и народное благочестие и, достигая небывалого ранее внешнего могущества, русское государство утрачивает внутренние опоры своего существования и низвергается в новую тяжкую смуту.

Так, на выходе из смуты 1598–1613 гг. Россия первоначально живет покаянием за грех предков, эту смуту породивших, и ясно сознает, что ужасы смуты постигли общество как воздаяние за грехи и царей и народа. Но уже при Алексее Михайловиче вынужденная борьба с Польшей превращается в войну за возвращение отеческого наследия – Киева, Чернигова, Полоцка, Вильны. Мечты о вселенской православной империи стимулируют унификацию церковного обряда по греческим книгам и тем самым вызывают Раскол. Наконец, окончательно утвердившийся с Петра эвдемонический идеал «чести и славы Державы Российской» делает народ средством для строительства бескрайней Империи, которой все время не хватает земли, подданных, естественных границ. Народ России превращается в безгласных рабов, Церковь Православная – в идеологическое ведомство Империи, и, используя эти ресурсы, границы государства раздвигаются до самого момента его полного краха.

В последнее царствование Россия сначала стремится присоединить Маньчжурию на Дальнем Востоке, затем устанавливает протекторат над Монголией и мечтает о Тибете, желает включить в Империю всю Польшу, ее прусскую и австрийскую части, планирует выход к Евф-

рату в Малой Азии и к Средиземному морю в районе Геллеспонта. Константинополь признан в 1915 г. странами Антанты по итогам мировой войны русским городом. И тут приходит конец. Утративший веру в Бога и доверие к царской власти народ разрушает Империю, требует мира «без аннексий и контрибуций» и немедленно вслед за тем низвергается в пучину анархии и бесчисленных бедствий, творимых коммунистической деспотией.

Какие выводы может сделать русский народ, размышляя над кругами собственной истории?

Во-первых, он должен вспомнить слова блаженного Августина, что «по кругу человека водит бес». Три цикла русской истории, три ее смутных времени – результат повторения властью и народом одних и тех же нравственных ошибок. Причем с каждым новым смутным временем вина самого русского народа в катастрофе становится все более явной, хотя осознается обществом все хуже. Если бедствия монгольского ига можно было отнести всецело на счет пришедших неизвестно откуда завоевателей-кочевников, то уже смута 1598–1612 гг. творилась совместно польскими интервентами и их русскими союзниками среди бояр, духовенства, казачества и черного народа, и интервенты были только пособниками одной из сторон междоусобной русской брани. В новой смуте, начавшейся в 1917 г., роль внешнего врага была уже вовсе второстепенной. Россия очевидно для всех уничтожила сама себя собственными своими руками. Святейший Патриарх Тихон назвал смуту XX века «самоизмышленной пагубой». Но если летописцы первого смутного времени не колеблясь объясняли, что полонение Руси монголами есть «Божье наказание по грехам нашим», а авторы XVII столетия видели причины междоусобицы в алчности, себялюбии и властолюбии бояр и дворян (и любых других групп общества, кроме своей собственной), то нравственные причины последней русской смуты далеко не осознаны. Призыв Церкви к покаянию за грехи отцов остается почти неслышанным, да и сама Русская Церковь, призывая народ к покаянию, не имеет сил признать свою вину (или, если угодно, вины людей Церкви против Церкви), приведшую к катастрофе 1917 года и к столь тяжкой и долгой смуте, следовавшей за ней.

Во-вторых, надо понять суть нравственной ошибки. Всякий раз она заключается в том, что, выйдя общими усилиями всего народа из очередного провала смуты, общество быстро утрачивает свое духовное, а вскоре и гражданское единство. Каждая общественная группа старается упрочить свое влияние и благополучие за счет других групп. Понятно, что группам, исполняющим функции управления и контроля, сделать это легче, чем управляемым и контролируемым. Общенациональный интерес подменяется интересом царским и дворянским уже в последней трети XVII века (если говорить о последнем завершившемся цикле русской истории) и в дальнейшем только упрочивается все XVIII столетие. Раскол, крепостное рабство и низведение Русской Православной Церкви до «ведомства православного исповеданья» суть главней-

шие проявления этой подмены интереса общенационального корпоративным эгоистическим интересом правящего слоя. В результате подвластный народ отчуждается от власти и ожесточается против нее, влияние Церкви слабеет и у высших (которые смотрят на Церковь, как на свою прислугу), и у низших (для которых Церковь – лишь одно из орудий их порабощения в руках помещиков), и, наконец, все группы общества, находящиеся в нравственно невозможных отношениях рабов и рабовладельцев, быстро деградируют. Гражданское общество, начавшее было складываться на выходе из смутного времени (эпоха земских соборов), не упрочивается, но, напротив, исчезает.

Причина социального эгоизма, и это третий важнейший вывод, коренится в быстрой смене аксиологической парадигмы в русском обществе. Сотерический идеал, предполагающий высшей целью человеческого существования и деятельности достижение Царствия Небесного, подменяется идеалом эвдемоническим, адепты которого ищут в первую очередь земного, преходящего благоденствия и используют для его достижения все средства, не исключая и религиозных, превращающихся в руках эвдемонистов в идеологические стимулы и магические приемы. Эвдемоническая аксиология предполагает средством реализации стяжание своего земного счастья за счет другого, сотерическая же – жертву собой ради другого. Евангельский принцип, объявленный Господом, непреложен: «Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не [для того] пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» [Мф. 20, 25–28; Мк. 10, 42–45; Лк. 22, 25–27]. И когда всеобщее государственное тягло времен Уложения 1649 г. постепено подменяется «вольностями дворянства» (1762 г.) и рабством крестьянства, грядущая Смута становится очень вероятной, почти неотвратимой и почти сразу же провозвещается Пугачевским бунтом.

Угасание сотерического идеала, отчасти объяснимое обычной энтропией падшей человеческой природы, с трудом выдерживающей стояние в Правде Божией, все же до конца может быть объяснено, по крайней мере для народа христианского, добровольным уклонением в эвдемонию самой Церкви, ее священноначалия, за которым уже следует светская власть, за ней высший управленческий слой (дворянство), а за ним простой народ. Уклонение в светское величие и славу папоцезаризма патриарха Никона хорошо известно. Именно реакцией на претензии Никона явился собор 1666–67 гг., породивший Раскол Церкви и утвердивший на 250 лет главенство царства над священством, окончательно оформившееся в так называемую синодальную эпоху (1701–1917 гг.). А подневольная Церковь не нашла в себе ни сил, ни мужества сказать «нет» эвдемонической политике государства, считающего себя православным и при этом превращающего православных русских людей в

рабов. На исповедничество решались единицы, покорно склонили головы перед царской властью бесчисленные тысячи клириков. «Ни одна из ветвей Христианства не обнаружила такого заскорузлого (callous) равнодушия к общественной и политической справедливости как Русская Православная Церковь в Синодальный период», жестоко, но, увы, справедливо отмечал Ричард Пайпс². И это – четвертый вывод. Переход аксиологии русского общества от сотерии к эвдемонии начинается в Церкви.

Особенность русского общественного сознания обнаруживается также в том, что из повторяющихся катастроф не делаются соответствующих их трагизму выводы. Общество не может заставить себя верить и всему земному предпочитать Царствие Божие. Вера и растет, и убывает незаметно и тайнственно, и в каждом отдельном сердце, и в сердце народном [Мк. 4, 27]. Неблагочестивые желания и поступки мало-помалу пожирают ее, благочестивые же – созидают. Но житейски опытные и мудрые народы, даже оказываясь во власти эвдемонического идеала, сохраняют понимание, что земные блага ускользают от потомков тех, чьи предки присваивали их себе, оставаясь равнодушными к бедствиям людей, трудами которых эти блага создаются. В этом основа современного социального государства. Строя удобные коттеджи для своих сельскохозяйственных рабочих, один из виднейших аристократов Англии герцог Бедфорд писал в 1844 г.: «При постройке этих cottages моя постоянная мысль была приобщить сельское народонаселение к пользованию выгодами и удобствами того благосостояния, которым по милости его мы наслаждаемся, и утвердить между владельцами, наемщиками земли и рабочими то взаимное благорасположение, которого равно требуют здравая политика и высшие побуждения человеколюбия»³. В России это побуждение «здравой политики» чаще всего оставалось очень слабым. Цари вели все новые войны и огромным перенапряжением народных сил раздвигали во все стороны границы Империи, включая в ее состав народы, все более чуждые русским и по языку, и по вере и по исторической традиции. Высшие сословия жили в неге и богатстве, которое созидалось ограблением крепостных, превращением таких же русских православных людей, как и сами помещики, в говорящие орудия, в белых рабов, лишенных не только свободы, но и элементарного образования, медицинского обслуживания, простейших жизненных удобств. Среди помещиков только единицы желали упразднения крепостного состояния даже в годы его ликвидации сверху, а среди царей только Александр I и его внучатый племянник Александр III не стремились к расширению Империи, жалея народ и понимая, что «Россия и так слишком большая». В итоге высшие классы лишились всех своих богатств, родины, а то и жизни, а простой народ русский, восставший и сотворивший в угаре бунта невероятные преступления против Бога и ближнего, – потерял все, что он имел до бунта от своей полоски земли до Империи созданной с таким трудом и такой ценой. И это – пятый вывод из размышлений над кругами отечественной истории.

² R. Pipes. *Russia under the Old Regime*. – London, 1974. – P. 245.

³ А.И. Кошелев. *Записки (1812–1883 гг.) с семью приложениями*. – М., 2002. – С. 190.

И, наконец, шестой вывод – это прельщение ретроспективным идеалом, весьма пагубное для выходящего из смуты русского общества. Подобно Юстиниану, мечтавшему любой ценой воссоздать величие Римской империи и восстановить ее былые границы от Рейна до Евфрата и от гор Каледонии до второй катаракты Нила, а в итоге безнадежно подорвавшего силы народа, русские правители, теряя в смуте Империю, пытаются всеми силами ее восстановить и максимально расширить. При этом простому народу, не получающему ровным счетом никаких выгод от бескрайности Российской Империи и от ее действительно несметных природных богатств, внушается властителями тщеславная мысль, что это его страна, и он, как правило, нищий подневольный раб, – ее полноправный хозяин и гражданин. И нравственно и политически это очень пагубное прельщение, которое крайне замедляет формирование здорового ответственного гражданского самосознания и пленяет сердце даже не земным благоденствием, но только его бесплотным миражом. В то же время экстенсивное развитие России высасывает из людей их силу, используемую для освоения все новых пространств, вместо того, чтобы концентрировать ее созидательный потенциал на земле отцов, и, в конце концов, становится одной из важнейших причин государственной катастрофы и начала смуты. Из-за постоянно меняющейся конфигурации громадного государства родина для русского человека везде и нигде. Он – безбытен, и в бездну безбытности обрушивается всякий раз тщательно возводящийся храм идола Империи. «Время работает против тех, кто возвел свою империю при помощи насилия»⁴. Насилия не только над другими народами, но и над своим собственным.

⁴ А. Дж. Тойнби. *Постижение истории*. – М., 1991. – С. 452.

Учитывая эти выводы из собственной истории, мы предлагаем следующие экстраполяции в XXI столетие.

Во-первых, Россия постепенно оживает ныне после долгого и крайне разорительного III смутного времени. Как и в предшествующие моменты выхода из смуты, для русского общества характерен подъем сотерических алканий, возрастание значения и авторитета Церкви, на которую вынуждены опираться светские власти, ищущие авторитетной санкции для своей деятельности. Русская Православная Церковь достаточно последовательно указывает, особенно в последние годы, на необходимость покаяния как в деяниях, приведших к катастрофе 1917 года, так и в преступлениях коммунистического смутного времени.

Во-вторых, учитывая ситуации прошлых выходов из смуты, Церкви следует всячески избегать эвдемонизации как на государственно-политическом, так и на частном уровне отдельных ее представителей. Стремление к властному верховенству и житейскому богатству не будет прощено Церкви ни обществом, ни светской властью. Этим стремлением к земным благам Церковь, если она им прельстится, вновь развертит русский народ и толкнет его высшие, а затем и низшие слои на поиски «маммоны» и сама же падет первой жертвой этих эвдемонических устремлений, как пала она при Василии III во втором цикле русской исто-

рии с победой иосифлян, и в начале третьего цикла – претензией патриарха Никона.

В-третьих, высшие светские слои современного русского общества не должны стремиться созидать свое благополучие за счет остального общества, нещадно обкрадывая и эксплуатируя его. Напротив, возвращая простым людям значительную часть национального богатства, высшие слои обеспечат стабильность существования своих потомков в здоровом гражданском обществе. Следует напомнить банальную истину, что намного проще воздерживаться от ошибок, чем их исправлять. Весь XIX век российские правители пытались так или иначе исправить эксцессы крепостного рабства, сложившегося в конце XVII–XVIII веках, – но не преуспели в этом. Революция, ставшая восстанием бывших крепостных, уничтожила русское общество третьего цикла.

В-четвертых, для благополучного выхода из роковых кругов русской истории нашему обществу следует отбросить прельщение Империей. Потерянное в десятилетия третьей смуты надо и считать потерянным, и не стремиться к восстановлению русской власти над утраченными частями бывлой Российской Империи или СССР. Следует сосредоточить усилия на созидании достойной жизни на тех пространствах, которые остались у России к сегодняшнему дню. Если богатое и счастливое общество сложится на пространствах нынешней Российской Федерации, то у него не будет никаких резонов жаждать всеразрушающей социальной бури ради восстановления попорченной справедливости. И тогда России не угрожает новая смута. В то же время какие-то части бывлой Империи могут и пожелать реинтеграции с Россией нынешней, но только при условии ее благоденствия, гражданской и политической стабильности. В первую очередь такими регионами потенциальной реинтеграции могут стать единоверные и/или этнически близкие пространства. Однако вся полнота реинтеграционных инициатив должна исходить не от России, но от них, быть вполне свободной и имеющей широкую общественную поддержку.

Следует твердо сознавать, что из третьей ужасной смуты Россия может и вовсе не выйти, что она может в любой момент утратить свою достаточно зыбкую независимость и пространственное единство. Но если все же она преодолет последствия катастрофы XX века и возродится, как возродилась в XV веке, а потом – в XVII, она должна на этот раз возродиться не для того, чтобы, совершив в четвертый раз все те же роковые ошибки, вновь рухнуть через два-три столетия в бездну междоусобицы и смуты. Ошибки можно не повторить. Они – всего лишь результат неправильных волевых выборов общества, и тысяча лет отечественной истории – вполне достаточный срок, чтобы научиться не совершать их вновь.